

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	11
<i>Пролог. О собаках и философии.....</i>	15
<i>Прогулка первая. Хорошая собака, плохая собака.....</i>	29
<i>Прогулка вторая. Платон, Аристотель и благоденствие.....</i>	57
<i>Прогулка третья. «Мужество пользоваться собственным умом»: Кант и утилитаристы.....</i>	85
<i>Прогулка четвертая. Чужой разум и свобода воли.....</i>	121
<i>Прогулка пятая. Очень короткая, логическая.....</i>	159
<i>Прогулка шестая. Метафизика 101: белое вещество в птичьем помете.....</i>	163
<i>Прогулка седьмая. Наполнение форм и проблема универсалий.....</i>	182
<i>Прогулка восьмая. Что я знаю?.....</i>	211
<i>Прогулка девятая. Эмпиризм: чувствовать — значит верить.....</i>	251
<i>Прогулка десятая. Кант и расплывчатая логика.....</i>	270
<i>Прогулка одиннадцатая. Муравьи, пауки и философия науки.....</i>	300

<i>Прогулка двенадцатая, и последняя. Мыльный пузырь</i>	
Шопенгауэра и смысл жизни.....	335
<i>Хорошо, та прогулка на самом деле не была последней.</i>	
Эта последняя.....	349
<i>Литература для дальнейшего чтения.....</i>	351
<i>Благодарности.....</i>	361
<i>Об авторе.....</i>	362
<i>Предметно-именной указатель.....</i>	363

Вот почему животные не способны ни на умысел, ни на притворство; они ничего не скрывают. В этом отношении собака относится к человеку так, как стеклянный кубок к металлическому, и это в значительной мере способствует тому, что мы так ценим собаку: для нас это великое наслаждение — видеть в собаке явное и открытое выражение всех наших склонностей и эффектов, которые мы столь часто скрываем¹.

Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление

Книги — лучшие друзья человека, если не считать собак. Если считать собак, то читать будет некогда².

Приписывается Граучо Марксу

¹ Цит. по: Шопенгауэр А. Собр. соч.: В 6 т. / Пер. с нем. под ред. А. Чанышева. М.: ТЕРРА — Книжный клуб; Республика, 2001. Т. 2. С. 50.

² Цит. по: Морленд Э. Книга позитива: вдохновляет по жизни / Пер. с англ. А. С. Монич. М.: Эксмо, 2017.

ОТ АВТОРА

Эта книга задумана как приятное введение в мир философии. Так же как и на прогулке с собакой, вы можете выбирать пути в путешествии такого рода — разные по направлению, расстоянию и даже цели. Будет ли это изучение, развлечение или всего лишь ознакомление, чтобы разделаться с этим предметом побыстрее, но с наибольшей пользой? Некоторые введения в философию начинаются с истоков — с обсуждения наследия древнегреческих мыслителей VI века до н.э., — и повествование последовательно охватывает все века до тех пор, пока не достигнет той точки, которая обозначает «наши дни» для конкретного автора. В других книгах больше внимания уделяется биографиям, и рассказ оживляется историями об эксцентричности и чудаковатости философов. Недавно стал популярен исключительно тематический подход: предмет разбивается на вопросы или темы, и особое внимание уделяется острым, нестареющим.

Такие разные подходы отражают тот факт, что по своей природе философия напоминает странный гибрид: это не чи-

стокровая афганская борзая, а скорее помесь лабрадора с пуделем, лабрадудль. Английская литература — предмет, который, по сути, состоит из своей истории. Чосера и Шекспира, Остин и Элиот читают не потому, что они представляют исторический интерес, а потому, что их сочинения по-прежнему являются произведениями искусства. Более того, величие этих авторов заключается не в каких-то идеях, которые можно выделить и суммировать, а в языке: словах, предложениях, главах и более длинном, глубоком, музыкальном течении текстов.

С другой стороны, математика и физика — это предметы, которые можно преподавать, даже не упоминая об их истории. Для вычисления площади круга вам не нужно знать, что приблизительное значение числа π впервые вычислили древние египтяне и вавилоняне, а с точностью до семи знаков после запятой — китайские математики в первом тысячелетии нашей эры. Вам просто нужен карманный калькулятор. А значение и важность ньютоновских законов движения не связаны с теми словами, в которых они были выражены Ньютоном. Аристотелева физика — с ее отрицанием пустоты, абсолютно неверной концепцией движения и характерной для нее космологией, согласно которой Земля находится в центре статичной Вселенной, застывшей в виде ряда концентрических кристаллических сфер, — совершенно бесполезна для любого современного ученого, разве что только заставляет его почувствовать превосходство.

Философия охватывает оба этих мира. Несомненно, можно обсуждать идеи Платона, Аристотеля и Витгенштейна вообще без цитат. В этом отношении они похожи на законы Ньютона. Однако проблемы философии, как правило, не решаемы. Это новости, которые всегда остаются актуальными. В наши дни профессиональные философы все еще занимаются изучением

философии Аристотеля и Декарта, по-прежнему спорят с Локком и Бенхамом так, как ни один ученый не стал бы спорить с Архимедом или Коперником. Поэтому *история философии* никогда не исчезнет и не станет несущественной.

Кроме того, эта история сама по себе удивительна. Поэтому в своей книге я попытался уловить такой смешанный характер философии. В выбранной мною форме рассказа лишь небрежно затрагивается история предмета. Повествование представлено в виде серии прогулок и таким образом связано с методикой преподавания Аристотеля во время движения — из-за этой особенности школа Аристотеля получила название «перипатетическая» (от греческого слова, означающего «прогуливаться»)¹. Во время этих прогулок мы с моей собакой Монти в диалектической традиции Сократа обсуждаем основные проблемы философии, используя в качестве руководства обширные разделы этой области науки.

После введения первые три прогулки связаны с обсуждением философии морали и этики. Затем на протяжении пары недолгих прогулок мы затронем побочные вопросы: во время одной из них речь пойдет о концепции свободы воли, а во время второй — о логике. Затем в рамках трех прогулок мы обсудим метафизику, эти запутанные вопросы о природе реальности и существования. На протяжении следующих трех прогулок наш путь будет пролегать через эпистемологию, или теорию познания. Четыре прогулки действительно посвящены обсуждению философии науки. Наконец, в последней гла-

¹ Термин «перипатетик» происходит от слова *περίπατος* — крытая галерея, которая служила лекционным залом. Объяснение термина от *греч. περίπατέω* — «прогуливаться», восходящее к Гермиппу, считается ошибочным // Лебедев А. В. ПЕРИПАТЕТИЧЕСКАЯ ШКОЛА // Большая российская энциклопедия. Т. 25. М., 2014. С. 693, 694. — *Здесь и далее примеч. перев.*

ве о смысле жизни также дается краткий обзор некоторых доказательств существования Бога.

Хотя эта обширная структура носит тематический характер, в рамках обсуждения каждого предмета мы рассмотрим, что говорили по этому поводу великие философы. Я надеюсь, такое изложение поможет читателю не только разобраться в проблеме, но и составить представление об истории развития философской мысли.

Должен сказать, что в этой книге представлена лишь часть истории идей, в рамках которой я сосредоточился на западной философской традиции. Причиной тому служит не ограниченность или презрение к исламской, китайской или индийской философии, а просто дело в том, что это огромные и сложные области знания, в которых я не специалист, и добавление отдельных фрагментов лишь для того, чтобы работа казалась более разноплановой, было бы оскорбительным. Каждая из великих незападных традиций заслуживает разговора с Манти сама по себе...

Наконец, эта книга — не одно из тех введений в философию, в которых даются основные моменты, помогающие читателю повторить пройденное. Книга организована в виде серии прогулок, и так же, как во время прогулки, временами мы сходим с тропы, какое-то время блуждаем в подлеске, спугиваем кролика, кормим уток. Иногда мы заходим в тупик. А иногда приходится идти рядом с дорогой с оживленным движением или через поле со жнивьем, прежде чем удастся добраться до чего-то стоящего: прекрасной поляны в лесу или ручья с зимородком.

Пролог

О СОБАКАХ И ФИЛОСОФИИ

У меня есть собака — неряшливый «мальтиец» Монти. Я говорю «есть», подразумевая не столько владение, сколько то, что вы имели бы в виду, говоря, что у меня перхоть или простуда. Монти похож на облако, которое упало на землю и какое-то время каталось в грязи. У Монти невероятные черные глаза, черный нос и усы в желтых пятнах, которые появились из-за того, что этот пес постоянно утыкается мордой во все заманчивые ароматные закоулки и щели.

Что касается умственных способностей мальтийских болонок, то обычно их характеризуют как средние: эти собаки соображают медленнее, чем взвинченные пудели или играющие в шахматы колли, но находятся на одну или две отметки шкалы выше, чем боксеры, уставившиеся на теннисный мячик в надежде, что он снова придет в движение, и похожие на каменные изваяния афганские борзые, которые измучились от интеллектуального напряжения, стараясь не проглотить собственный язык. Монти не умеет делать трюки и не всегда выполняет команды «ко мне!» или «сидеть!», хотя, если вокруг

больше нет ничего интересного, он будет послушно ждать, пока вы подойдете к нему. Его величайшим триумфом было завоевание титула «Лучший пес» на выставке собак «КрикЛгав» в КрикЛвуд. Второе место занял кролик, а третий приз получил плюшевый мишка.

Несмотря на то что я несколько резок в оценке интеллектуальных способностей Монти, у него честный, недоуменный взгляд, как будто он систематически пытается разгадать некий секретный код или серьезно размышляет о скрытых смыслах Вселенной. Я считаю его таким Доггером Ватсоном — нет-нет, не волнуйтесь, это не будет одна из книг, полных каламбуров, это последний. Если Монти — Ватсон, то не становлюсь ли я тогда Шерлоком? Увы! Боюсь, что мы с Монти похожи на дуэт комиков: мы с ним оба Ватсоны, которые, пыхтя, стараются докопаться до истины, которую более живые умы могли бы установить с большей скоростью, если не точностью.

Так что я считаю Монти подходящим компаньоном во время прогулок, когда я пытаюсь постичь мир, применяя, где возможно, философию, которую усвоил за годы научных исследований и самостоятельного чтения. Мы с Монти болтаем о разных вещах, обмениваемся идеями. Я научился догадываться, о чем он думает. И даже выражать его мысли.

В последующих главах представлены некоторые из философских бесед, состоявшихся во время наших прогулок по улицам, паркам и кладбищам на севере Лондона (а иногда и за его пределами). Они выступают в качестве доступного введения в главные вопросы философии — вы их знаете или догадываетесь, как они могут звучать. Как поступать правильно? Существует ли свобода воли? Какова подлинная природа реальности? Как мы познаем все на свете? Существует ли Бог? Почему я каждый раз пытаюсь вставить флешку в разъем сначала неправильной стороной?

Эта книга предназначена для людей, а не для собак, и касается человеческих проблем, а не расписаний дегельминтизации и стратегий удаления фекалий, что отнимает так много энергии, направленной на содержание собаки. Но в книге тем не менее присутствует собачий дух... Я внимательно следил за появлением лучших друзей человечества в классической философии. И оказалось, что упоминания о них встречаются чаще, чем ожидалось. Немного похоже на парики. Наверное, я должен объяснить.

В начале девяностых я встречался с девушкой, у которой была любопытная одержимость мужчинами в париках. При этом речь шла не о каких-то особых причудах, будто ей нравилось, скажем, что я надеваю судейский парик из конского волоса и, грозно стукнув молотком, объявляю ее виновной в том, что она небрежно надела халатик. Нет, она просто любила выделять людей в париках, подобно тому, как любитель птиц отмечает королька или пеночку. Толкнув меня локтем в пабе или в подземке, она шептала: «Сироп», — и я должен был попытаться определить, кто носит парик. (Кстати, «сироп» — это из рифмующегося сленга кокни: «сироп из фиг — парик».) В те дни технология наращивания волос находилась в зачаточном состоянии — было очень и очень далеко до современных сплетения прядей, трансплантатов и восстановления фолликулов, — но даже тогда классический зачес из трех прядей уже многих не устраивал, поэтому парики встречались все чаще.

Получив предупреждение от своей девушки, я оглядывал помещение или вагон подземки. В начале наших отношений мне, как правило, не удавалось определить цель, за исключением очевидных кошмарных париков — тех, что выглядели, как сонный бобер, или были очень плотными, как стекловолокно, слишком сильно взбитые сливки или расплавленный пластик. Но постепенно я научился определять подсказки: не-

естественно темные волосы, контрастирующие с седеющими бровями; слишком высокая плотность фолликулов, которую выдает морщинистое лицо; глянцева переливчатость, отражающая неоновые огни улиц.

До отношений с этой девушкой я никогда не замечал парики, я их просто *не видел*. Это была деталь, зернистость, которой в моем мире не существовало. Людвиг Витгенштейн — философ, с которым мы еще встретимся на страницах этой книги, — пространно писал в «Философских исследованиях» о процессе, посредством которого мы узнаем значение слова. Вместо простой линейной связи между объектом и его названием мы постигаем значение слова, наблюдая, как оно используется, изучая правила его произношения и *форму жизни* — богатую матрицу из культурных процедур и традиций, в которую оно встроено. Познание — это действие, то, что мы *делаем*, а не то, что мы *имеем*. Поэтому мне пришлось научиться воспринимать парики, следуя за своей наставницей, и вскоре мне открылась совершенно новая сторона мира. Я начал видеть парики везде, и мы с моей девушкой вместе радовались этой общей детали, подобно тому, как дельфины рассекают прибой. И даже после ее ухода, когда радость от совместного открытия уже осталась в прошлом, я по-прежнему ловил себя на том, что выделяю парик в толпе — пышную, плотную шоколадную массу на голове у человека с меланхоличным выражением лица — и мечтательно шепчу себе под нос: «Сироп»...

Так же как и в случае с париками, я бы не увидел упоминания о собаках на страницах западной философии, если бы не начал их активно искать. И неожиданно оказалось, что собаки присутствуют повсюду: иногда упоминания о них спрятаны на полях текстов (подобно тому, как прячутся собаки, когда знают, что им грозят неприятности из-за «аварии» с желудком или кражи из буфета), а иногда скрываются на самом виду.

Принимая во внимание долгие и тесные взаимоотношения человечества с собаками, не удивительно, что они проникли во многие аспекты нашей интеллектуальной культуры, наши мифы, истории, а также философские исследования. Археологи выяснили, что трудно точно установить момент, когда впервые были одомашнены собаки, хотя по наиболее вероятным предположениям, это произошло около 40–30 тысяч лет назад. По-видимому, волки начали бродить вокруг лагерей наших предков, и на протяжении десятков тысяч лет происходило постепенное отделение современной собаки от волка — процесс, движущей силой которого было сочетание естественного отбора и селекции.

Уже 15 тысяч лет назад, задолго до того, как человечество перешло к земледелию, судьбы людей и собак, их жизнь и смерть, были тесно переплетены. Самыми первыми достоверными свидетельствами совместного существования людей и собак служат три скелета эпохи палеолита, найденные в карьере в Германии: скелеты мужчины, женщины и маленькой собаки, которые захоронены вместе. Собака страдала от чумки и могла прожить столько, сколько она прожила, лишь в том случае, если за ней ухаживали люди. Она была слишком слаба, чтобы приносить какую-то пользу во время охоты, поэтому, вероятно, выполняла какую-то другую функцию в жизни группы, в которой она жила и умерла. Это был домашний любимец...

Медленно двигаясь дальше через эпохи, мы обнаружим, что собак, как правило, почитали в большинстве человеческих культур. В доколумбовой Америке майя и ацтеки считали собак добрыми проводниками и стражами, которые ведут умерших в мир духов. Египтяне, вероятно, более известны тем, что предпочитали кошек, но собак тоже часто мумифицировали и помещали в гробницы вместе с их владельцами. И одним из самых первых животных, имя которого дошло до нас, была изящная

охотничья собака по кличке Абутью (на самом деле, я понятия не имею, как произносится кличка *Abuwtiyuw*), которая жила во времена VI династии (2345–2181 до н.э.).

Чуть ближе к истокам западной философской традиции во времени и пространстве находятся представители персидского зороастризма, которых гораздо больше интересовали сообразительность и добродетель собак. Персидские собаки охраняли мост, по которому умершие медленно переходили в рай, — интересно, что это созвучно представлениям майя. Однако собаки также были главными участниками бесконечной битвы света и тьмы и сражались за мудрого Ахурамазду против насекомых, улиток, крыс, ящериц, лягушек и, боюсь, кошек, которые служили повелителю тьмы, Ангро-Майнью. Любопытную привычку собак застывать и напряженно всматриваться в даль объясняли тем, что они могут видеть злых духов, невидимых для нас. Плохое отношение к такому могущественному союзнику в хорошей битве должно было повлечь ужасное наказание, в этой жизни и в следующей. Убийство собаки можно было искупить, только выполнив целый перечень заданий для покаяния, включавший убийство десяти тысяч кошек. Так что приверженцы зороастризма определенно были поклонниками собак...

Героическая эпоха Греции, еще более близкая к временам зарождения философии, дает нам преданного пса Одиссея, Аргуса, который двадцать лет ждал возвращения своего хозяина из странствий. Аргус, когда-то блистательный охотничий пес, теперь лежит на навозной куче, истощенный и обессиленный, но он единственный из всех оставленных на Итаке узнал Одиссея. Вознагражденный слезой героя и наконец-то счастливый, он умирает. С другой стороны, для любого героя Гомера было самым большим позором, если после смерти с него снимали доспехи на поле боя и оставляли обнаженное мертвое тело на растерзание собакам.

До сих пор мы рассматривали историю, мифы и легенды, но впервые настоящая «философская» собака появляется только в «Государстве» Платона. В диалоге «Государство» Платон пытается, помимо прочего, дать определение справедливости и установить критерии идеального общества. Важнейшая составляющая идеального правительства — это сословие стражей, солдат-философов, которые руководят и защищают государство. Какие качества следует нам искать в таких стражах? Они должны быть дружелюбны и благожелательны по отношению к гражданам государства, но суровы и агрессивны по отношению к их врагам. А где можно найти эти качества, составляющие истинную мудрость? Конечно же, у домашней собаки, которая инстинктивно отличает добро от зла, друга от врага, которая лижет руку собутыльникам своего хозяина, даже когда она ничего больше о них не знает, и кусает незнамого гостя.

— Это свойство ее природы представляется замечательным и даже подлинно философским.

— Как так?

— Да так, что о дружественности или враждебности человека, которого она видит, собака заключает по тому, знает она его или нет. Разве в этом нет стремления познавать, когда определение близкого или, напротив, чужого делается на основе понимания либо, наоборот, непонимания?

— Этого нельзя отрицать.

— А ведь стремление познавать и стремление к мудрости — это одно и то же¹.

¹ Цит. по: Платон. Государство, или О справедливости / Пер. с др.-греч. А. Егунова // Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2016. С. 786.

Неплохой способ появления на сцене нашей философской собаки с приветственным лаем! Отзывы Платона о собаках не всегда были такими хвалебными, и он мог осыпать оскорблением «собака!» тех, с кем он был не согласен. Это подводит нас к самым знаменитым собакам в философии. В наши дни слово «циник», происходящее от греческого термина, означающего «похожий на собаку», приобрело такое значение (согласно Оксфордскому словарю английского языка): «Тот, кто демонстрирует склонность не верить в искренние или благие человеческие намерения и действия и имеет обыкновение выражать это с помощью насмешек и сарказма; насмешливый придирчивый человек».

Картина весьма непривлекательная: мизантроп с поджатыми губами, который высмеивает благие намерения и всегда срывает с человека маску добродетели, чтобы разоблачить скрывающегося под ней лицемера. Несомненно, мы можем найти элементы этого современного значения слова у киников, рассеянной группы мыслителей, появившихся в то же время, когда Платон начал работу над своим очень разнообразным философским проектом. Киники жили просто, пренебрегали всеми ловушками, связанными с богатством и всемирным успехом, одевались в лохмотья, ночевали под открытым небом, ругали жадность и материализм богачей. Ни одно соглашение не было для них священным; ни одна нравственная или религиозная традиция не оставалась несомненной. Но кинизм прежде всего был учением, посвященным стремлению к добродетельному образу жизни, и критика киников была пусть и разрушительным, но необходимым первым шагом на пути к просвещению.

Какое же отношение к этому имеют собаки? Есть пара разных историй, объясняющих происхождение термина «киники». Возможно, он связан просто с тем, что основатель школы кини-

ков, Антисфен, преподавал в гимнасии, название которого переводится как «место белой собаки». Однако мне больше нравится история о том, что Платон, которого раздражали постоянные понукания и обман со стороны Диогена Синопского, величайшего из киников, ученика Антисфена, выпалил: «Ты — собака!» Это понравилось Диогену, который наслаждался ролью. Когда другой представитель элиты бросил Диогену кости и повторил оскорбление, Диоген помочился на него. Диоген, по-видимому, был немного недотепа и прославился тем, что шумно ел во время лекций, нарочито портил воздух посреди беседы, постоянно ковырялся в зубах и затевал ссоры. Ночной кошмар каждого в спокойном обществе... И, возможно, он был слишком доволен собой. Единственный раз Платону удалось одержать верх над Диогеном. Когда Диоген вытер свои грязные ноги о любимый ковер Платона со словами: «Попираю Платонову суетность!», Платон ответил: «Какую же ты обнаруживаешь спесь, Диоген, притворяясь таким смиренным!»¹

Основная причина, по которой закрепилось прозвище «похожий на собаку», заключалась, видимо, в следующем. Киники были печально известны тем, что без всякого стыда, подобно собакам, отправляли свои физические потребности. Диоген справлял нужду на улицах. Его ученик, Кратет из Фив, зашел еще дальше и вступал в интимную связь со своей женой Гиппархией у всех на глазах. Полагаю, именно поэтому такое действо и в наши дни известно под названием «доггинг».

Кратет и Гиппархия дожили до весьма преклонных лет, устраивая свое временное пристанище возле порталов и портиков Афин, но их наставник, Диоген, прожил еще дольше — по некоторым рассказам, на момент смерти ему было за девяно-

¹ Цит. по: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. С. 222.